

другие же глотал целиком. Забавно бывало смотреть, как вовремя обеда нашего любимца, со всех сторон собиралось большое общество воронов, ворон и сорок, подскакивавших боком и жаждавших стянуть лакомый кусочек. Однако, довольно бывало и гневного взгляда могучей птицы в сторону мелких вороватых гостей, чтобы все они разлетелись без оглядки. По ночам, грифа уводили в закрытое помещение, днем же он обыкновенно сидел на воздухе, на обрыве, и с завистью провожал глазами своих вольных братьев, паривших в ясной лазури... иногда и пленник оживлялся какой-то внутренней радостью и, волнуясь, взлетывал на месте, широко расправляя огромные, выше сажени в размахе, крылья... Раза два-три гриф втихомолку от нас пешком взбирался на вершину соседнего холма, в соседство китайской пагоды, откуда по слегка наклонной линии улетал за версту и далее... Наши собаки иногда недоумевали глядя на *Vultur monachus*'а и пробовали нападать на него, но получив должный отпор, смирялись и на почтительном расстоянии проходили при встрече с птицей. Впоследствии—в походе, собаки жили с «монахом» в большой дружбе...

Гриф-монах (*Vultur monachus*).

Утром, седьмого декабря, совершенно неожиданно прибыли на бивак экспедиции оба брата Бадмажаповы, и привезли нам обильную почту... Сразу всё всколыхнулось и зажило с удвоенной энергией.

Из писем, самым интересным оказалась ценная весточка Географического Общества. Заместитель вице-председателя Общества П. П. Семенова-Тян-Шанского—А. В. Григорьев извещал меня, что Академия Наук и все ученые специалисты